

Цена моих грез

Автор:

Ева Ройс

Цена моих грез

Ева Ройс

Он не оставил мне выбора. Похитил, поставил жесткий ультиматум, шантажом заставил принять его предложение. Я думала, что буду его ненавидеть, что сумею, если появится возможность, убить его.

Я ошибалась.

Во всем.

Он дал мне новую жизнь, но так ли просто расстаться с прошлым? И какова цена грез?

Содержит нецензурную брань.

Ева Ройс

Цена моих грез

ГЛАВА 1. ПАВЕЛ. ЕЕ ТЕМНЫЕ ВОЛОСЫ РАЗВЕВАЛ ВЕТЕР

Ты когда-нибудь чувствовал, что тебе не хватает того, кого ты никогда не встречал?

(с) Ричард Бах

Сколько стоит долбанное счастье? И где его купить? Настоящее. Горящее. Чтобы просто дотронуться, согреться от его лучей или сгореть дотла с улыбкой на губах. Я много раз пытался его найти, однако все было подделкой. Обман. Шелестящая красивая оболочка, под которой пустота. Вакуум, где нет ничего. Ни лелеемого тепла, ни хоть намека на жизнь.

Но сейчас мне опять захотелось обмануться. Принять пустоту за бездну. А безжизненный свет за лучи солнца. Закрывать глаза и специально оступиться, поставить ногу мимо каната и полететь вниз. Я знаю, что не упаду, но ведь можно притвориться?

Ее темные волосы развеивал ветер, вдыхал в них холод, который расползлся по всему ее телу, вызывая мурашки. Она куталась в широкий шарф, который опутывал ее изящные плечи, прятала ладони с тонкими пальчиками в рукава свитера, обнимала себя за плечи, все стараясь согреться. Совсем как я.

Я смотрел за ней из окна машины, заставив водителя остановиться. Он кидал на меня недоуменные взгляды, ведь я могу опоздать на важную встречу, чего себе никогда не позволял, как и бездарную трату времени. Однако молчал – любой каприз за мои деньги. Да и хрен что он мне скажет – боится, как и все.

У ее ног, обернутых в темную джинсу, стоял потрепанный чемодан, на который она все время смотрела. Похоже, ее. Приехала недавно? Или наоборот, уезжает?

Ее фигура, и так тонкая и хрупкая, на фоне внушительных зданий выглядела еще меньше и тоньше. Будто снежинка рядом с ботинками. И даже сомнений нет, что вот сейчас она с треском сломается под тяжестью тела.

Вскоре рядом с ней остановилась машина – такси из дешевого сервиса, и Снежинка, выдохнув пар, решительно сжала ручку чемодана и направилась к дверце. Открыв ее, что-то сердито произнесла, зашла в салон, а после подрагивающими от холода пальцами закрыла дверцу. Через несколько

мгновений машина и вовсе скрылась в толпе других.

Еще с минуту я смотрел на то место, где стояла девушка. Подумал и решительно достал телефон.

– Здравствуйте, Павел Алексеевич, – раздалось на том конце провода.

– Найди мне девушку, которая сейчас села в такси, – сразу перешел я к делу, продиктовал по памяти номер машины, назвал адрес, откуда она выехала. – И жду потом полное досье на нее.

– Но... – пытался что-то возразить мой помощник, однако он слишком хорошо меня знал, чтобы продолжить. Или я его слишком хорошо знал?..

– Мне без разницы, как ты это сделаешь, но время тебе до вечера. Приведи мне ее. В средствах не ограничиваю.

У всего есть цена, потому что все продается и покупается. Меня только не купить – нечем зажать, потому что все свои слабости я отгрыз с корнем. А сколько мне будет стоить девушка, которую я обозвал про себя Снежинкой?

Дал знак водителю, чтобы тот продолжил путь, а сам принялся разглядывать пейзаж за окном.

Осень уже уходила, оставляя право властвовать зиме, – на печально-темных деревьях больше нет разноцветной листвы, и теперь голые ветви качаются от ветра без шелеста. Тихо, словно мертвые. Нет больше и терпкого запаха листьев и пряностей. Этот момент в природе – грань между еще не подошедшей зимой и уже ушедшей без оглядки осени – очень напоминает мое состояние. Тоже стою на распутье, хожу по лезвию двух “я”.

Встреча, на которую я все же не опоздал, прошла так себе – чертов Шамайко все оттягивал подписание контракта, в надежде отломить себе процент побольше, чем действовал мне на нервы. Конечно, у меня был против него козырь, но раскрывать карты я еще не собирался. Думаю, пока не время. Да и я весь день то и дело возвращался к Снежинке – хрупкой, замерзающей и одинокой. В некоторых людях есть тайна, и она относилась к этим единицам. Мне захотелось

разгадать ее. Понять, что скрывается за кожей, мышцами и костями – в душе, в мозгах и на сердце. Чем она думает и чем дышит? Что любит есть на завтрак и от чего у нее аллергия. Что в голове у таких, обычных, коим я никогда не являлся? Нормальных. И что, в конце концов, скрывает в себе?

Откинувшись на спинку кресла, взял в руки телефон и набрал Виктора.

– Нашел?

– Да, – помощник понял меня с полуслова. – Сейчас с парнями собираем информацию.

– Почему не сообщил мне?

– Я думал...

– Я тебе не за это плачу. Куда она собиралась? – спросил я, вспомнив ее потрепанный чемодан.

– В детдом, Павел Алексеевич. Она, как нам выложила директор, постоянно туда ходит. Детям сладости носит.

– Ладно, – что-то во мне дрогнуло. – Ладно. Закругляйтесь там.

Информация от Виктора не заставила себя ждать – спустя час я уже открывал файл.

– Огнева Дарья, – прочел я ее имя вслух, чтобы распробовать его. Даже несмотря на горячую фамилию, на кончике языка после произношения остался иней – хрупкий и нежный, как и она. Снежинка.

“Двадцать лет, не имеет романтических отношений. Сирота. Из близких родственников только племянник в детдоме...” – я читал анкету, но она мне не ничего не говорила о ней, Снежинке. Не раскрывала ее тайну, а лишь интриговала еще больше. Будто бы меня поманили в глубь чужой жизни красным платком в тоненьких ручках Дарьи. Даши. – “Работает на двух работах – актрисой в театре и официанткой в ночном клубе. Имеет незаконченное

театральное образование...”

Ее образ в голове все крепчал, пускал корни, задевая оголенные провода нерв, становился все объемнее. А я же не понимал, как девчонка смогла зацепить меня настолько, чтобы с первого взгляда впиться мне в плоть собой, отравить мысли и резать лишь воспоминанием о себе мой холодный панцирь.

Меня так никогда не штырило – чтоб увидеть и захотеть. И не тело, нет, хотелось ее душу. Разворошить, узнать, что в ней, а после... А я не знаю, что после. Да и, не буду врать, тело тоже захотелось – осторожно, чтобы не сломать. Потому что со сломанными игрушками играть неинтересно. И я буду действовать медленно, очень медленно, чтобы она сама все отдала – и душу, и тело.

ГЛАВА 2. ДАРЬЯ. Я СОВЕРШИЛА ОДНУ ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ ОШИБОК

Жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты строишь другие планы.

(с) Джон Леннон

– Фея! Фея пришла! – зазвучали детские голоса, едва я вышла из машины с чемоданом.

Настроение, испорченное тем, что чуть ли не простыла, ожидая такси, сразу же подскочило вверх. Я уже представляла, как меня обнимут, согреют своим теплом. С широкой улыбкой направилась по двору к зданию, при этом собирая в кучку детей, которые до этого гуляли. Они все наперебой рассказывали разные истории, заглядываясь на мой чемодан. И я, конечно, не могла всех услышать.

– Стоп! – со смехом остановила их. – Я же оглохну, но всех не услышу, если будете говорить в унисон.

– Тогда я сначала скажу! – нахохлился Эдик – щупленький, но бойкий мужчина пяти лет от роду. Он, кстати, за мной как бы ухаживает.

– Нет, я!

– Все всё расскажите, успеется, – остановила я начавшуюся перепалку. – И где Даня? Чего он меня не встречает?

Я уже поднималась по лестнице к двери, а с двух сторон меня окружали дети. Девочки все боролись за право взять под руку, а некоторые мальчики побежали к двери, чтобы мне открыть. И все четверо первыми, да.

– Даня простыл, – сообщила Малина. Вообще, ее зовут Марина, но так как она сильно картавила, когда мы впервые познакомились, назвалась вот так.

Черт! Не зря сегодня с утра у меня было плохое предчувствие. А болеет Даня с толком и с чувством – температура сороковая, кашлять начинает так, что страшно становится, да хрипит. Помню, младшенькая всегда носилась за ним, считая каждый чих сына. А в детдоме няnek на всех не хватит. И так хороший попался – детки добрые, воспитатели также, а директриса просто замечательная. Она как может мне помогает.

– Не расстраивайтесь, – на мою ладонь легла горячая ладошка Гошика. – Я вас буду встречать и защищать от всех.

Ласково улыбнулась, хотя в душе так все защемило, что я едва слезы удержала. Так жалко их – таких умненьких и сообразительненьких, которые уже сами как маленькие взрослые.

– А я... – дернув меня за свитер, привлекла мое внимание Флора. – А я буду для вас от тетъ Вали те конфеты от горла брать. Чтобы вы не заболели.

– Спасибо! – я потрепала девочку по волосам. Она, как и всегда, шапку сняла и в кармане спрятала.

Едва вошли в само здание, ко мне бросились еще дети обниматься. Я их обнимала, гладила по головкам, целовала, а внутри у меня такая злость на всю эту систему. На то, что людям не нужны дети. Они лучше состарятся в окружении котов, чем возьмут себе хоть одного ребенка. А дети ведь не виноваты, что их родители покинули этот мир, или что они такие твари –

бутылка или доза дороже частички себя. Я ведь слышу, как обнимая, они шепчут тихо “мамочка”. Они представляют мамой меня, вдыхают мой запах, думая о том, как могла бы пахнуть их мама. И каждый раз мне так больно.

Однажды – тогда я только недавно стала приходить с подарками для всех детишек – меня к себе вызвала директриса. Я раздала всем гостинцы и, вытирая слезы, пришла к женщине.

– Зачем вы это делаете? – задала она странный вопрос.

– Делаю что? – не поняла я.

– Даете детям надежду, Дарья Сергеевна. Это ж хуже того, если бы вообще не приходили. Так никто им ощущения дома не давал бы, было бы проще, чем год прожить в сказке, а потом лишиться ее вмиг, едва вы заберете Даню и забудете о них.

На секунду я оторопела, представив, каково им будет – беззащитным, доверчивым и только оттаявшим от льда вселенской обиды, едва столкнутся еще с одним предательством. Однако одно “но”:

– Галина Дмитриевна, я не собираюсь прекращать посещения детдома даже после того, как Даня окажется у меня, – решительно ответила я. – Мы вместе будем ходить.

Она покачала головой:

– Надеюсь, что будет так. Однако я вижу, сколько вы тратите на подарки...

Директриса не договорила специально – просто бросила намек мне, что потом у меня будут свои проблемы: надо будет водить Даньку во всякие кружки, готовить к школе, и смогу ли я работать на двух работах, чтобы обеспечивать не только себя и своего мальчика, но и детдом дальше. Потому что да, я выкладывалась по полной не только, чтобы скорее закончить с ипотекой, но и чтобы детям приносить хоть какую-то радость. Иногда сутки не спала – после репетиций бежала в клуб на ночную смену.

– Я справлюсь, – натянуто улыбнулась я женщине. – А сейчас можно я к Дане пойду?

Тот разговор я помнила очень хорошо, хотя прошел почти год. Даже не верится, что уже целый год как нет мамы и младшенькой – моего близнеца, моей сестренки... Так вот, о чем я? Слова Галины Дмитриевны настолько впились в память, что каждый раз, принося подарки, я ощущала безграничное удовольствие и удушающий стыд в том числе. Я не могла забрать их всех, я не могла уделить каждому равное внимание. И я скоро уже заберу Даню – а каково будет им после этого? Они остались, а у него началась новая жизнь. Ведь и им я дала своим вниманием надежду. Было хреново, да, но я не могла поступить по-иному. Не могла покупать только для сына и смотреть, как остальные дети... Зависть вообще плохая штука, как и ощущение, что ты не нужен никому. Я через это сама проходила, когда узнала, что больше у меня, кроме Даниила никого нет. Счастье такое хрупкое, будто бы хрустальный шар. Один миг – и оно может разбиться.

– Мамочка! – с радостным визгом ко мне в объятия бросился Данюша. Я его обняла сильно-сильно, подняла на руки и прижала к себе. Худенький, тепленький и пахнет просто потрясающе – топленым молоком, полевыми ромашками и беззаботностью.

С улыбкой вспомнила, как он нас с Дариной называл: мамочкой один ее, и мамочкой два – меня. Мы с младшенькой были похожи, но в то же время такие разные. Я была домоседом и тихоней, пока она гуляла с друзьями, веселилась. Я до сих пор не решилась на серьезные отношения, а Дари выскочила замуж в семнадцать, после того, как закончила школу. Одно лицо и два характера. Но именно младшенькая меня заряжала энергией, она заставила поверить, что если я постараюсь, то стану такой актрисой, что “просто вау”.

– Мамочка, ты сегодня пришла забрать меня? – на ухо шепнул он мне, опалая кожу теплотой и надеждой.

– Прости, не сегодня... – я до боли прикусила губу. – Но совсем скоро. Ты же мне веришь?

Я прямо почувствовала, как поникли его плечи. Увидела, как в глазах полыхает надежда... и теплится бесконечная вера в меня.

- Да, - кивнул он. - Я по тебе соскучился.

- Я тоже безумно, мой мальчик, - я поцеловала его в обе щеки и еще в нос, заглянула в глаза, которые были точной копией Дариных и моих. Тоже каре-зеленые, с медными прожилками.

- А что ты принесла? - он выкарабкался из моих объятий, с интересом уставился на чемодан, как и все остальные. Дети хором гадали, что же там может быть.

- Пока секрет. Сейчас мы пойдем в столовую, помоем ручки, пообедаем, а потом все увидите.

Я посмотрела на унылые мордашки и сжалась:

- Сегодня обедаем пиццей!

Я долго умоляла директрису, чтобы она позволила мне эту выходку снова. Первый раз в день рождения Дани, а сейчас просто так - надо же было отметить в кругу верных друзей, что теперь я не официантка, а полноценный администратор в клубе. Конечно, в ночную смену - днем я отсыпаюсь и потом репетирую роль. В детдоме прием пищи точно по расписанию, как и блюда, потому я заранее позвонила воспитательнице, чтобы их не кормили. По дороге я отзвонилась компании, с которой договорилась опять же заранее о большой партии пицц, чтобы уточнить, все ли у них готово и когда они приедут. Все прошло гладко - уже через десять минут и дети, и все работники детдома ели горячую "Маргариту", запивая это соком. Газировку покупать не стала - слишком уж вредно, я сама ее не пила, не то чтобы деткам давать с их чувствительными желудками. Все шло настолько гладко, что я даже не заметила, как жизнь приготовила следующий удар для меня, едва я выйду из здания, уверенная, что в безопасности.

После обеда мы перебрались в игровую, где я всегда открывала свой чемодан. Нет, неправильно, волшебный чемодан, по словам детей. На этот раз я принесла то, о чем они мечтали. Конечно, семью подарить я была не в силах, а милые и приятные душе вещи запросто. Деньги ничто по сравнению с чистыми эмоциями. Как-то у нас случился день правды. И одним из вопросов, который я задала, был про мечту и самое сильное желание. Я тогда все по-тихому записала на

диктофон телефона, а после несколько месяцев собирала деньги и нужное. Самое трогательное желание было у Флоры – она новенькая, полгода как здесь, ей хотелось снова попробовать домашних вафель. Маминых. Я после работы не спать легла, а искала в интернете рецепт и, одолжив у соседки вафельницу, готовила эту выпечку. Такой день у них раз в месяц, я должна была всех осчастливить.

Я уже раздала половину, как увидела в углу мальчика. Он сидел, прижавшись к стене, и смотрел на меня таким взглядом, что все внутренности током прошибло. В его взрослых глазах были те эмоции, какие у меня год назад. Я его не видела в столовой. И вообще впервые видела. Новенький, значит.

– Привет, малыш, – я улыбнулась ему, встала, оставив радостных детей играть дальше, и направилась к нему, взяв из чемодана запасную игрушку на случай, если в детдоме будет пополнение, – большой пазл с собаками. – Ты чего один сидишь?

Он ничего не ответил, продолжая своим взглядом выворачивать мне душу.

– А меня Дашей зовут, – я улыбнулась ему, попыталась потрепать его густые коричневые волосы, но он не дал. Протянула ему коробку с пазлом: – А это тебе.

– Не нужны мне ничьи подачки! – мальчишка свел брови к переносице так смотря на меня, что я растерялась. И руку мою с подарком толкнул.

И теперь в его глазах отражался не разрушенный мир, а шторм – столько чувств, что чуть ли не задохнулась в них.

Следующий час я сидела с Даней – он мне рассказывал про моря и пиратов, а я слушала его дыхание, прижимая к себе и счастливая от того, что он не заболел – лишь нос слегка заложен.

Детский дом я покидала, ощущая себя паршиво. От того, что не могу сделать большее, и от того, что на коже буквально пропечатались два взгляда – такие родные глаза Даньки с бесконечной надеждой и верой и глаза другого мальчика, Влада, в которых эти вера с надеждой медленно испепелялись. И еще меня давила вина, что до сих пор не забрала его. Но ведь осталось совсем чуть-чуть. Я сделаю рывок вверх и за этот месяц закрою ипотеку. А потом я

каждый день буду согреваться в объятьях Дани, каждый день буду с ним, а не какие-то урывки в виде часа.

Наверное, из-за этих тяжелых дум и от того факта, что сутки не спала, я совершила одну из самых страшных ошибок. Идти к остановке сил не было, как и доставать телефон и звонить такси, и я просто поймала машину. Назвав адрес театра, до которого отсюда было прилично ехать, удобно устроилась на сидении и прикрыла глаза на пару минут. Веки стали тяжелыми, и я не заметила, как просто уснула. Идиотка. Если бы я знала, что так все выйдет, то пешком пошла бы в театр, ползла бы, но не села бы никуда. А вообще, не в театр поехала бы, а домой – запираюсь на тысячу замков и прятаться в одиночестве большой квартиры, где жить теперь некому.

ГЛАВА 3. ПАВЕЛ. ЕСЛИ ИГРАТЬ, ТО ИГРАТЬ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Разница между взрослыми и детьми заключается в стоимости их игрушек.

(с) Роберт Фрост

Я ждал ее приезда с особым трепетом. Распорядился подготовить ей комнату. Естественно, недалеко от моей и с камерами. Отправил в город домоправительницу за одеждой, часть которой сам выбрал через интернет. Как херов кукловод собирал своей игрушке новую жизнь. Если играть, то играть со всеми удобствами.

Я смаковал ее имя на языке и представлял, как вдохну ее запах и попробую ее вкус. А какая она на вкус? Представлял и сходил с ума от картин, которые мне рисовало воображение. Еще утром я хотел разгадать ее душу, а сейчас до безумия хотел разгадать и тело. Не так, как утром. Я хотел утонуть в обмане и принять Снежинку за живой огонь. Хотел иметь ее душу и тело.

Хотел согреться ее холодом, потому что сам согревать не умею. Отобратить весь холод, чтобы растаяла и стала костром.

Я не собирался сделать так, чтобы она стала мне неинтересной. Зачем? Меня сейчас мало что трогает, а она – концентрированный интерес. Так зачем лишать себя удовольствия, ради того, чтобы вернуться в зону комфорта?

А потом смотрел, чувствуя дикое удовольствие, как она испуганно идет по мрамору пола, отражается в нем бликом. Идет озираясь по сторонам, готовая сейчас же сбежать. А на идеальных ногах у нее кроссовки. Обычные, мать их, кроссовки. А я смотрю, и мне кажется, что я ничего сексуальнее не видел.

Я ждал Снежинку в кабинете, создавая ей иллюзию из декораций точно выверенной игры, а через ноутбук, который транслировал мне ее через камеры, считывал движения и строил в голове слова.

Вот девушка поднимается по широкой лестнице, не переставая вертеть головой – запоминает путь. Идет по коридору до указанной двери и стоит, собираясь с силами. Ее трясет от страха, но она храбрится. И я через дерево двери и лак ощущаю вкус ее страха. Он как мороженое – сладко-холодный.

Дверь открывается, она заходит в ловушку, и клетка с тихим хлопком закрывается. Огромными глазами смотрит на меня, ищет во мне маньяка, но не находит. Немного успокаивается. Мне хочется рассмеяться от такой наивности и выдохнуть ей в сахарные губы, что ублюдков надо искать в одетых с иголки людях, с прямым взглядом и с улыбкой на лице. Однако я сижу за столом, тоже смотрю на нее, пожирая ее взглядом – ее маленькое тонкое личико с пухлыми розовыми губами и большими глазами цвета малахита в бездне карего, волосы густые, темно-русые.

Снежинка долго искала слова, потом собиралась с силами и все это в тишине, которую можно разрубить ее страхом.

– Отпустите меня, пожалуйста, – ее голос задрожал. Она и сама тряслась вся.

Я встал с кресла, а она отшатнулась назад, ближе к выходу. Усмехнувшись, сделал еще несколько шагов вперед, остановившись прямо перед ней.

– Актриса, значит...

– Что вы от меня хотите? – она такая сейчас желанная – с растрепанными волосами, чуть приоткрытыми от страха губами, которые она пару секунд назад лизнула своим язычком. – Я... Вы не имеете права насильно удерживать меня!

– Значит, актриса, – вновь повторяю я, словно эхо собственных слов, игнорируя ее слова. – Хочешь роль?

– Что? – хрипло переспрашивает, прижимаясь к стене спиной.

– Я предлагаю тебе роль в новом фильме, – задумываюсь и называю имя самого перспективного режиссера. Мне ничего не стоит устроить ей это. Просто потому, что я так захотел. И хочу ее купить, так как чувствами мне до нее не добраться.

Тишина вновь взяла пространство кабинета в свои владения. Но ненадолго.

– А если я откажусь? – осторожно задала вопрос Снежинка.

– Знаешь, – сделал еще один шаг к ней, коснулся ее скул большим пальцем, впитывая в себя ее тепло и оставляя на ней свой отпечаток. – Я тут узнал недавно о сущем беззаконии: мальчика одного, Даниила, не дают приличной семье усыновить. А они, между прочим, собрали все документы, комнату обустроили. Бедная пара. Может быть, им помочь? Я же не изверг, – сделал паузу, – Дар-р-рья.

Побледнела еще больше, в глазах заблестели слезы.

– Думай, Дааааша, думай, – палец соскользнул вниз, к ее манящим губам, легко провел по бархату кожи, собирая своей плотью ее дыхание.

– Я согласна, – она посмотрела мне в глаза, а в них страх, злость и вызов. Они горят, не боясь, что хозяйка их растает, словно снег на солнце.

– Отлично, – я отошел от нее, словно бы потерял к ней интерес, а на самом деле... О, на самом деле все куда сложнее.

- Теперь вы меня отпустите, да?

Отпустить - это последнее, что я хотел бы с ней сделать.

- С чего ты взяла? - сел обратно за стол, откинулся на спинку кресла.

- Я же согласилась. Я...

Рассмеялся. Святая наивность. Но и в этом было что-то такое, то, что заставляло хотеть ее еще больше. Чистая. Невинная. И в моей власти.

- Заключаем договор, Дарья. Ты подчиняешься мне, говоришь на все мои желания "да", а я, так и быть, закрываю глаза на небольшой инцидент. И даю тебе некоторую свободу.

- Вы не можете так... У вас нет права... - ее глаза наполнились слезами, медленно потекли вниз, к тонкой шее. Прикасались к ее коже, а я пока не мог.

- И не советую убегать. Ради своего же блага.

И Снежинка своими молчаливыми слезами согласилась, даже не задумываясь, что это ее цена. Потому что деньгами ее не взять.

ГЛАВА 4. ДАРЬЯ. КУКЛА В ЕГО ВЛАСТИ

- Я ведь тебя убил.

- Нет. Всего лишь забрал жизнь.

(с) "Декстер"

Пробуждение вышло страшным. Дико страшным, когда стук сердца слышишь в висках, а горло стиснули когти страха – не можешь произнести ни слова, лишь смотреть на свою судьбу широко раскрытыми глазами. И молиться, хотя я никогда не была религиозным человеком. Потому что я хотела жить, потому что Даня хотел жить. И я разобьюсь в лепешку, но обязана выжить – чтобы на одной разбитой надежды больше не стало.

Меня украли. И вместо водителя – милого старичка с аккуратной бородкой, сидел широкоплечий мужчина в темном костюме. В глазах его бесстрашие, лицо постное и словно бы неживое. Четверо таких же окружили машину с двух сторон – по два амбала у каждой двери.

Меня трясло и лихорадило. А тот, что сидел за рулем, увидев, что я проснулась, сказал:

– Приехали, мисс. Выходите. Чемодан можете оставить в салоне, он вам не пригодится.

А я глотала ртом воздух, смотрела в оба окна и опять тихо молилась, не имея возможности произнести хоть слово.

– Мисс, – дверь открылась с правой стороны. – Вас уже ждут.

Я отшатнулась назад. Меня всю захватил страх. Дикий и животный.

– Выходите сами или мы применим силу, – это водитель. И говорят эти амбалы безэмоционально, будто бы они из камня. Как на подбор широкоплечие, высокие, с одинаковыми лицами – без жалости и сожаления, в черных костюмах, а я еще заметила пистолеты в кобурах. Звери! А я одна, по сравнению с ними – маленькая.

– Я... – язык не слушался, но я очень старалась, чтобы они действительно насильно не вывели. – Я сама.

У меня цель – выжить, потому буквально вытащила свое дрожащее тело из салона. А меня пропустили вперед жестом – по лестнице вверх в шикарный особняк. Тот факт, что я не в лесу, а в каком-то частном поселке, раз здесь

такой дорогой дом, давал надежду на то, что все образуется. Надо просто быть паинькой и со всем соглашаться. Потом, прежде чем войти в услужливо распахнутые двери, я повернулась назад. Огромная территория – не видать конца сначала парку, а дальше лесу. Ужас в себе я подавила желанием жить.

Я шла, а за мной сразу четыре зверя идут. С ружьем и опять же каменным выражением лица.

Так просто не может быть в реальности. Чтобы по-настоящему. А вдруг это просто чего-то розыгрыш? Или съемки какого-то блокбастера, а меня приняли за местную звезду? Вокруг камеры, но я не вижу их за шикарными декорациями? И в особняке словно бы никого нет. Лишь я, четыре амбала и хозяин дома где-то внутри. Однако все выглядело до стерильного чистым и никак не нежилым помещением. На каждой поверхности можно было увидеть свое отражение. И я так убого смотрелась в свитере, в джинсах и кроссовках...

Хозяин дома оказался таким же, как и его слуги-охранники. Зверь с красивым каменным лицом, за которым лед, а душа у него и вовсе отсутствовала. Он говорил – я умирала.

И такая ненависть во мне колыхнулась, волной смела все эмоции и сожгла все предохранители ко всем чертям. Разве так можно – играть судьбами? Разве так можно – играть людьми и чувствами? Будто просто перед тобой шахматы, только каждым ходом ты не противника выигрываешь – крошишь чужую жизнь до пепла. Просто так. Потому что хочется, ведь мотивов я не видела.

После того разговора, который вывернул не только страх, но и душу своим цинизмом, он продолжил убивать во мне человеколюбие. Хотя... Он не человек. Зверь. Дьявол.

– Почему у тебя никого не было? – спокойно спросил он, словно бы интересовался, какой кофе я предпочитаю.

И спросил так, что мне стало стыдно за отсутствие половых отношений. Вспыхнула, сжала ладони до красных отметин на тыльной стороне.

– Ну же, я жду ответ, – с самодовольной ухмылкой на губах поторопил меня ублюдок, который сейчас упивался властью надо мной. Он знает, за что дергать,

потому получает истинное удовольствие от моего подчинения. Кукла в его власти.

– Мне было не до этого, – ответила я, мечтая впиться ногтями в холеное лицо.

В принципе даже честно – сначала я слишком много времени уделяла учебе, чтобы не ударить в грязь лицом и чтобы доказать маме, что я не стану одной из миллионов мечтательниц, что стремятся хотя бы раз сняться в полнометражном фильме. А потом... Потом трагедия перечеркнула мою жизнь, когда я, внутренне и так умирая от потерь, посмотрела в глаза Дани, который по счастливому стечению обстоятельств не поехал никуда, – большие, доверчивые, и услышала тихое “Мамочка два, ты же меня не оставишь?”. Даже когда влюбилась, прежде чем начать отношения, я сообщила Диме – он техник в театре, что у меня есть ребенок в детдоме. Не сказала, что он моей младшей сестры-близнеца, эту часть правды я хотела рассказать, едва он примет первую часть. Однако этого не случилось, потому и отношений тоже. Я убила свои чувства, ради теплых ручек, что так крепко обнимали, боясь потерять меня.

Зверь улыбался, а у меня будто бы горели те участки кожи, которых он касался. И в его улыбке я не видела ничего светлого, веселого, теплого или хоть капельку человеческого. Потому что люди, действительно люди, так с другими не поступают – не играют в чужую жизнь, не похищают, не шантажируют и не упиваются своей властью и вседозволенностью. Сейчас злость и ненависть почти вытеснила страх, так что мозг работал с удвоенной силой, вспоминая все его слова и слова амбалов.

“Актриса, значит...” – вот что он сказал мне сначала. Фраза до сих пор звучала в голове голосом нелюдя – низким, бархатным, идеальным, как и он сам. Только вот ничего идеального не существует...

Он знает, кто я, что я делала и чего не делала. Так что однозначно за мной следили и похитили меня, следуя только им известному плану. Зачем я нужна? Актриса посредственных спектаклей, ибо на пробы у меня чисто физически не хватало времени, администратор самого обычного клуба – одного из тысячи таких же. И вряд ли его интересует наша с Данькой пятикомнатная квартира, за которую я еще не все деньги уплатила. Что им от меня нужно? Я так и не смогла понять.

Зверь просто смотрел на меня с нечитаемым выражением лица и улыбался молча, а вот глаза, в зеленых глазах же у него был омут – затягивающий и беспросветно темный. Будто бы в их зелени вся чернота ночи, космоса и океанских глубин.

Он был красивым – с короткостриженными густыми волосами цвета молочного шоколада, очерченными скулами, прямым носом и чувственными губами. Плечи были широкие, а подтянутое мускулистое тело скрыто очень дорогим костюмом, несомненно, сшитым на заказ.

Я всегда считала, что у красивых людей не может быть некрасивой души. Однако я ошибалась. Этот мужчина был очень красив внешне, а внутри у него была пустота – все сгнило.

– Понравился? – усмехнулся мужчина, все так же сидя за столом и не отрывая от меня какого-то жадного взгляда. А я все стояла у дверей, мечтая провалиться сквозь начищенные до блеска полы куда-нибудь в необитаемый остров, созданный только для нас с Даней.

– Конечно, – мои губы искривились в улыбке. – Думаю, чтобы я в вас первым делом изменила, будь у меня нож.

Я сначала своих слов испугалась, высказанных вслух – мало ли как псих разозлится, не хочу по частям покидать этот особняк. Но нет, он не разозлился, а лишь шире стал его оскал на лице – не это ли страшнее?

– Дар-р-рья, – он словно пробовал мое имя, как дорогой десерт, который подают в позолоченной посуде, – для такого интимного действия, как мечь, надо познакомиться поближе. К чему высокомерно-отстраненное выканье? И кстати, я не представился. Павел Левич.

ГЛАВА 5. ПАВЕЛ. КОГДА МНЕ ЖДАТЬ УДАРА В СПИНУ?

Нет вернее средства разжечь в другом страсть, чем самому хранить холод.

(с) Франсуа де Ларошфуко

Я буквально сжирал ее глазами. Красивая она, Снежинка. Безумно красивая. И кожа эта белоснежная, фарфоровая – так и хотелось языком по ней пройти, губами оставить красные отметины.

И чувство такое, словно я всю жизнь пил воду из крана – воняющую хлором, но вот сегодня дорвался до настоящего лакомства – чистой родниковой воды. Холодной и невероятно вкусной. Есть ведь с чем сравнить. С тысячами крашенных девиц, в головах которых – пустота. Да и внешность у них одинаковая – конвейерная.

А Даша... Она другая. Что у таких, других, в голове? Когда мне ждать удара в спину? Да и вообще, последует ли он?

О человеческой подлости я знаю непонаслышке. Помню, писал вступительные экзамены в популярный ВУЗ. Готовился я знатно, как и всегда, потому что знал, что денег у меня для откупи нет. Есть только я сам. Про вечно бухую мать не стоит даже упоминать. Хрен что она сделает, если я провалю экзамен, лишь зарыдает да за новую бутылку возьмется. А что? Повод есть. И нет, я не ненавижу ее. Я любил, только с каждым годом она во мне вызывала все больше отвращения. Так вот, я готовился несколько месяцев, лелея свою мечту – вырваться из этого порочного круга, где жизнь бьет меня по лицу, а я подставляю щеку, чтобы ей было удобнее. Я мечтал стать кем-то. Стать образованным, с работой, с домом и семьей – не такой, как моя. Чтобы люди не поджимали губы при виде меня, а в их глазах не было жалости и презрения. И от мысли, что меня примут на бюджет, и я даже смогу себе отбить стипендию, у меня выросли крылья. А может, не крылья это были, а просто я смог допустить мысль, что могу быть таким, как все, и потому выполз из “ниже плинтуса” на пол? И эта разница оказалась мне заоблачным пространством? Хер его знает, а вот я знаю одно – падать даже с уровня пола больно. Потому что мою работу записал на себя сыночек богатого уroda, который до этого со мной лясы точил, а я остался ни с чем. Не сумел ничего доказать и вновь оказался там, где мне было место. Просто потому, что у меня было все, но денег не было.

Конечно, сейчас все по-другому. Меня обмануть себе дороже, а в глазах вместо презрения страх и желание угодить. Но ведь с ней иной случай.

Следующий ход за Снежинкой, потому что такие, как она, ни за что не сдадутся. Переждут, но не подчинятся.

– Зачем я тебе нужна... – она криво улыбается и добавляет: – Павел?

Я вижу в ней теперь вызов, страх никуда не делся – его притупила злость на меня и ее ошибку. Однако мне сейчас похер на все, кроме ее губ, которые произнесли мое имя. Током прошибло, волнами снесло. Слуховой оргазм, мать его! Чуть не кончил, как долбаный извращенец, только от того, что она произнесла мое имя.

Пиздец.

– Люблю покупать себе красивые игрушки, – сообщил ей. – Таких, как ты. И играть в них.

– Купи себе душу! – зло произнесла Дарья. – А я уйду.

Душу, увы, мне не купить. А если бы и мог – не стал бы. Зачем мне, ублюдку, душа? Скажите еще, что совести не хватает.

– Думаешь, я тебе позволю?

– Ты не имеешь права...

– Дар-р-рья, – перебил ее я. – Я тебе и так даю выбор. Или ты соглашаешься на все сама, или я резко перестаю быть добрым, и мы говорим по-другому. Тебе решать, девочка. И не носи ересь про права и прочую ерунду. В этом мире все склоняется под силой денег. Ты, они и те самые законы с правами.

Я в этом успел убедиться. Сука-жизнь довольно меня потрепала, прежде чем раскрыть глаза на реальность.

В тот день, когда я вновь оказался в своем дерьме из-за сына богача, мать у меня умерла. Я вернулся домой, а там она лежит на старом диване в гостиной. И так естественно, что я даже сначала не понял, что случилось. Убрал бутылки,

валяющиеся рядом, и пошел к себе. А вот утром, когда увидел, что она лежит все так же, не шевельнувшись, не упав с дивана, как всегда, то до меня дошло. Дыхания у нее не было, как и тепла. Скорая подтвердила ее смерть – алкоголь ее проводил в последний путь. Мне пришлось продать нашу двухкомнатную квартирку, чтобы похороны организовать. Выручил я не очень много: все же район не самый лучший да и состояние квартиры из-за пьянок матери оставляло желать лучшего, однако и того хватило на похороны и еще часть на руках оставалась приличная. На похороны пришло очень много людей и похоже, что лишь поесть. Потому что большинство я не знал, а те, в ком я узнавал родственников, давно от нас отвернулись. И эти самые дорогие родственнички, узнав, что я квартиру продал, предложили у себя пожить, пока я работу не найду. И они же уже на второй день обобрали, оставив меня ни с чем у подъезда. Но и после этого до меня не дошло, что доверять никому и никогда нельзя. До людей обычно долго доходит, и они еще не раз на одну лужу наступают, пока наконец не утонут, приняв океан за лужу. Я потом тоже почти что утонул, но оказался чертовой живучей тварью, раз не сдох. Меня, похоже, ничто не берет.

ГЛАВА 6. ДАРЬЯ. САМОЕ СТРАШНОЕ НЕ САМА УЧАСТЬ, А ЕЕ ОЖИДАНИЕ

Чтобы найти иголку в стоге сена, достаточно сжечь сено и провести магнитом над пеплом.

(а) Бернард Вербер

Псих. Он самый настоящий псих, причем с властью в руках. С психами соглашаются, а с такими, как он, так вообще, если жить хочется. А я очень хотела жить. И Данька хотел тоже. Потому я перетерплю, а в итоге поступлю по-своему – уйду да так, чтобы потом он не искал.

“Люблю покупать себе красивые игрушки” – красивых, значит? И в голове у меня созрел план. По-детски наивный, но в принципе не несущий вред никому. Немного потолстеть – а я набираю вес неравномерно – и все решится, возможно. Вдруг ему не нравятся девушки с лишними сантиметрами на талии? Да и на обещанную главную роль вряд ли тогда возьмут. В общем, проверим. Не сидеть же без дела, пока топчут твою размеренную жизнь?

– А ты своих игрушек кормишь? Я есть хочу, – заявила я, пряча глубоко в себе свой дикий страх и вытаскивая на свет божий невероятную злость. Пока царствует злость, страху места нет.

– Сначала твой ответ, – мужчина встал с кресла и опять направился в мою сторону.

А я задрожала, рассматривая его руки – точно сильные, если сожмут мою шею, то... О том, что может быть, я решила не думать, чтобы не пугать себя еще больше.

Вскинула голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза и произнесла, пропитав слова всей своей яростью:

– Хочу все по-хорошему...

– Павел, – добавил псих. – Повтори все предложение заново.

Не поняла, зачем ему это нужно, но не решилась возразить: он подошел еще ближе, так что нас теперь разделяли всего два шага. Я попятилась назад, снова к стенке, от которой отошла несколько минут назад, и произнесла сквозь зубы:

– Хочу все по-хорошему... Павел.

– Умница, – то жалкое расстояние между нами мужчина преодолел за мгновение, чтобы коснуться легко моей щеки. Будто собаку наградил лаской за послушание! Но сбросить его обжигающую ладонь не решилась: кто их знает, этих психов?

– Я в твоём доме в роли домашнего зверька? – все же поинтересовалась я спустя минуту, когда наглые пальцы двинулись со скулы вниз, к губам. Господи, куда я попала?

– Нет, – Левич провел пальцем по моим губам, слегка надавив. – К счастью, зоофилией не страдаю. Ты здесь в роли женщины, моей игрушки.

Меня передернуло. О, Боже! Я... я в сексуальном рабстве? Может быть, я чего-то не так расслышала? Не может быть так в жизни. Или может?.. Решила, что легче придерживаться деловой линии в беседе, потому, собравшись с силами, заметила:

– Вы предлагали... – под его дьявольским взглядом стушеввалась и исправилась: – То есть ты предлагал работу. Роль в новом фильме именитого режиссера. Когда пробы?

Павел же, не отрывая своих совершенно синих глаз от моих, рукой скользнул ниже – от лица до шеи и потом от плеч вниз. Я оторопела. И вовсе не от того, насколько наглым образом он действовал, а от его выражения на лице – дикого удовольствия от прикосновения. Господи! Он псих совершенно точно. И страх, который я загнала внутрь себя, медленно потянулся мерзкими щупальцами. И ведь вроде нет ничего откровенного в том, что он ладонь держит на коже запястья, скрытой тканью свитера, однако мне это показалось верхом интимности.захотелось сразу же оказаться за тысячу километров отсюда и стереть с кожи льдом его огонь. Но отступить мне было некуда – спиной я упиралась в стену.

– Никаких проб, – сильные пальцы дошли до моих холодных ладоней, легко сжали, обдавая пламенем. – Роль твоя.

А я все слова растеряла и вместо того, чтобы спросить, что за роль, когда съемки, когда контракт подписываем, просто стояла и смотрела в глаза зверя, в которых читалось откровенное наслаждение ситуацией и ни капли жалости. Кот поймал мышку за хвост и теперь с удовольствием смакует свою победу, наблюдая за тем, как она трепыхается под его ногами. Хотя... Не похож Левич на кота. Он, скорее, непримиримый волк или же неукротимый тигр.

– А теперь обговорим правила нашей игры, Снежинка, – холодно произнес Павел, пока его пальцы как-то до ужаса нежно и осторожно гладили мои. Невероятный контраст – его взгляд и его прикосновения. И я бы с радостью отняла бы у него собственную ладонь, но боюсь его реакции.

– Снежинка?.. – до меня дошли наконец слова дьявола, во власти которого я оказалась. И его обращение ко мне в том числе.

– Правило первое: не задавай глупых вопросов, – припечатал он. – Правило второе: ты полностью подчиняешься мне. Во всем.

Я, немного ошарашенная столь резкими скачками его эмоционального состояния, услышав второй пункт регламента, очнулась и, не сдержавшись, язвительно поинтересовалась:

– А называть тебя хозяином не нужно? И не серчай на сирую, я ж на будущее.

– Отсюда третье правило: думай, прежде чем говорить, делать или тем более бросать вызов. Четвертого правила нет, есть только факт: от меня убежать бесполезно. Если ты все же решишься, то я тебя найду, и мы продолжим наше общение уже по-плохому, – зверь усмехнулся. – Поняла, девочка?

Я медленно кивнула, делая судорожный вдох со вкусом его парфюма – горькой свежести, чтобы удержать рвущиеся наружу слезы. Не помогло, стало еще хуже, будто глотнула отравленный воздух. Быть может, действительно отравленный – его дыханием, словами и превосходством надо мной.

– А теперь... – он на миг сжал мою ладонь так сильно, что я чуть ли не застонала от боли, однако опять погладил и сообщил: – А теперь тебя проводят в твою комнату. Иди.

Отпустил мои запястья и даже пошел обратно к своему столу, однако я, получив то, чего желала пару минут назад больше всего – возможность покинуть кабинет, не стала сразу уходить.

– Я... Я на работу опаздываю и... – слова застряли в горле, едва он посмотрел на меня. У него в глазах будто застывший океан – холодный и необузданный.

– С этого дня никакой работы: ни в клубе, ни в дешевом театре драмы.

– А домой? – с надеждой спросила. – Там моя одежда, там...

– Нет, – зло перебил мужчина. – Я неясно выразился? Тебя проводят в комнату, где ты будешь сидеть, пока я не закончу с делами.

Предательские слезы выступили из тисков самоконтроля и сдержанности. Моя выдержка трещала по швам. Это чудовищно. Нельзя, ну нельзя так с человеком!

– А теперь вон, – совершенно спокойно произнес Левич. Хотя лучше бы кричал.

Зверю надоела игрушка. Пока. Так что он выпускает на пару секунд хвост мыши, чтобы понаблюдать, как та будет носиться в поисках спасения. Он ведь знает, что мышке никуда не деться.

Я, вытирая льющиеся потоком слезы, вышла из помещения, за дверьми которых меня поджидали конвоиры – те самые каменные чудовища.

– Мисс, мы вас проводим до вашей комнаты. Идемте, – произнес один из них.

Я ничего не ответила – слезы и отчаяние душили меня похлеще удавки. Так нельзя с человеком, нельзя... Нельзя...

Меня изнутри съедало чувство вины. А если дьявол не отпустит меня? У меня Данька и остальные дети с горящими надеждой глазками. Путь до комнаты, что оказалась целыми покоями, прошел смазано – я даже не рассматривала окружающее убранство. Свою клетку. Кукольный домик. Меня беспокоило другое: а как сделать так, чтобы псих сам отпустил?

Он не пришел ни через час, ни через пять часов. Я ждала его со страхом и решимостью, но все оказалось зря. Я металась из угла в угол, мерила шагами шикарные апартаменты и сходила с ума от неизвестности. Самое страшное не сама участь, а ее ожидание – в этом я удостоверилась.

Меня заперли, словно... я даже не знаю кого. Запирают сумасшедших, преступников и скот на ночь. Но еду хоть принесли вроде человеческую, прикрытую тарелками, которые я даже снимать не стала. Тот наивный план по наеданию пути к свободе помнила, но воплощать его в реальность банально ни сил, ни желания не было – кусок в горло не лез. И одиночество это – пустые комнаты, где кроме твоего дыхания, ничего нет, оно давило со всех сторон. И делать было нечего, кроме как думать. Думать обо всем на свете – начиная о том, сколько слонов смогут растоптать весь “домик” Левича и заканчивая тем, что последует, едва закончатся разговоры психа со мной. Не то чтобы я не догадывалась, зачем мужчинам нужны такие непредусмотрительные дурочки, просто дикость это. До сих пор не верилось, что возможно подобное, когда на дворе двадцать первый век. Но как же было горько осознавать, что выбора у меня нет. Полиция мне не сможет помочь, даже, боюсь, сделает все хуже. У Левича есть деньги и влияние, а у меня только куча проблем.

Не явился хозяин особняка и вечером. А я же, устав ожидать своей участи, заснула прямо на софе в гостиной покоев.

ГЛАВА 7. ДАРЬЯ. ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, И Я ОТПУЩУ

Боль – это боль, как её ты не назови.

Это страх. Там, где страх, места нет любви.

(с) Агата Кристи

Я проснулась не на софе, где легла, а на широкой постели в спальне, укрытая одеялом. И это мне совершенно не понравилось. Однако у меня даже времени на злость не было – двери распахнулись, и в комнату вошла женщина в темно-синей форме, будто бы ждала в гостиной, ожидая, когда я проснусь. Улыбнулась холодно и уведомила:

- Хозяин ожидает вас к завтраку, я помогу вам одеться.

Я хотела было сказать, что одежды у меня нет, а еще послать завтрак с этим самым хозяином куда подальше, как работница подошла к гардеробной, открыла... Столько одежды я видела разве что в магазинах. Одежда была везде: на вешалках, на плечиках, на полках сложенная, обувь на подставках, и этого всего до безумия много. словно шикарный бутик купили и... Даже отсюда было видно, что все дорогое.

- Это чье? - ошарашенно спросила, поднимаясь с постели и направляясь к горничной.

- Ваше, - с непроницаемым выражением лица ответила она, следуя по рядам и придирчиво разглядывая тряпки.

- Не мое. И чужое я одевать не собираюсь.

- Но хозяин... - начала было женщина, но я перебила ее коротким:

- Нет, - а потом добавила, не скрывая насмешки: - Если ему надо, пусть сам и надевает.

Она не решилась возразить, встретившись с моим решительным взглядом. Лишь неопределенно кивнула, выпрямившись.

А я кинула еще раз осмотрелась в помещении размером в почти что спальню и вышла, чтобы умыться.

Кукла. Я всего лишь кукла в фешенебельной декорации. Даже есть одежда - красивая и тоже кукольная. Не первая и не последняя марионетка в руках опытного кукловода...

Поднималась на террасу, где изволил трапезничать "хозяин", я в сопровождении той же женщины, чье имя я даже не спросила. Она такая же, как и охранники с дьяволом. Пустая, холодная, каменная. Она довела меня лишь до дверей, а после, удостоверившись, что я захожу, ушла.

– Правило два, – сообщил мне мужчина, одетый с иголки и до отвратительного бодрый, едва я появилась в дверном проеме.

– Я не собираюсь носить чужую одежду, – давя в себе проснувшийся страх, уверенно сказала я.

Левич, который до этого сидел за столом с газетой в руках, сложил оную, отложил и встал. Я уже подумывала о том, как мне сбежать и спрятаться обратно в спальне, но он подошел к стулу рядом со своим, взялся за его спинку, тем самым предлагая мне сесть. Ошарашенная этим, почему-то пошла и села.

Зверь с истинно аристократическими манерами пододвинул мой стул и сел на свое место. Во мне же проснулось любопытство, которое заняло место страха, и я совершенно неосознанно следила за каждым его движением.

– Первое – мне плевать, что ты не собираешься или собираешься, – он посмотрел на меня взглядом, полным ярости и такого холода, что мороз по коже прошелся. – Второе – вся одежда твоя. Новая и купленная специально для тебя, Дар-р-рья.

Слова, которые я намеревалась высказать вслух, застыли на языке, покрылись инеем и уничтожились. И страх проснулся. Одно дело – это думать, что ты у этого зверя не первая и не последняя, и вещи всегда подготовлены, а другое – узнать, что одежду он покупал именно для куклы Даши. Дикий ужас, первобытный просто. Я боюсь того, что еще может удумать его больной мозг. Псих. Действительно.

– Страшно? – по красивым губам расплзлась некрасивая улыбка. Кукловод умеет читать маски кукол.

– Ты просто больной! Псих! – я не удержалась, бросила ему в лицо слова, вставая.

И сама же испугалась сказанного. Но уже было поздно: слова не вернешь назад, не отнимешь у воздуха, что их поглотил. А у Левича лицо стало каменным, улыбка испарилась, а глаза... Небо в шторм или во время цунами. Я даже понять не смогла, когда он оказался рядом. Как приподнял за подбородок, заставляя выпрямиться – я ведь в полусогнутом состоянии замерла. Что расслышала точно

– удар от столкновения моего стула с паркетом. И слышала удары своего сердца, что начало биться как сумасшедшее. Будто бы в такт его сумасшествия.

– Да, я больной, псих, – не отрывая свой шторм от моих испуганно округлившихся глаз произнес он. – Но не забывай, что ты сейчас во власти этого самого психа.

От его слов словно иней отходит, а дыхание, что я чувствую губами, кажется обжигающе холодным.

– Отпусти... – прошептала я, пытаюсь вырваться из плена его пальцев. Тщетно. Сжал еще и запястье другой рукой.

– Отпустить? – его лицо исказила усмешка. – Прости, никак. Психика неуравновешенная.

Еще раз попыталась дернуться назад – не получилось, я словно в тисках. И взгляд этот – беспокойное небо, которое рушит мой мир. Превращает его в пепел, в ничто все то, что годами строилось. Но я не могу отпустить глаза, потому смотрю прямо в лицо своего палача.

– Поцелуй меня, и я отпущу, – спустя сотню вечностей в виде минуты сказал он, разрезая тишину словами. Хрипло. Торопливо и зло. И в то же время так, что мурашки по коже и дыхание захватило.

Сказал дикость. То, что я никогда не сделала бы сама, по своей воле. Целовать того, кто меня ломает. Того, кто шантажирует. Того, кто украл меня. Зверя без души и сердца.

Однако есть ли выбор у глупой куклы-марионетки? Или у мышки, что уже попала в лапы хищника? У тех, у кого отняли свободу есть только одно предназначение – хвататься за любой призрачный шанс. Даже если этот шанс в итоге убьет.

ГЛАВА 8. ПАВЕЛ. Я ВЕДЬ ТОЖЕ ХОЧУ ЖИТЬ

Трудно забыть боль, но еще труднее вспомнить радость. Счастье не оставляет памятных шрамов.

(с) Чак Паланик

Я смотрел на нее спящую и думал, что ей снится. В какие края ее уводят грезы? Чувствовал себя идиотом, но не мог оторвать глаз от хрупкой фигурки, что сжалась в комочек на огромной постели.

И хочется вдохнуть ее в себя, утонуть в ее бездне глаз, прижать так сильно, чтобы чувствовать ее пульс собой, и сказать, что так было. И жить так, как когда-то мечтал. Как нормальный человек. Но хер я нормальный – заставил быть со мной, играю на ее любви к сыну умершей сестры, притворяюсь сам, чтобы казаться хоть более-менее не отбитым. Потому что я долбанный псих. Извращенец, но, к счастью, не маньяк.

Я смотрю, и во мне что-то шепчет, чтобы я ее отпустил. Моя гадкая изуродованная сторона. Отпустил, потому что в неволе даже самые сильные птицы прекращают петь. А она... И в то же время я понимаю, что снова останусь в темноте без нее. Будто бы не выплывал наружу, будто бы не чувствовал пьянящий запах жизни и не ощущал кожей ее тепло. Я ведь упаду обратно, раскрошив кости до состояния пыли, задохнусь в одиночестве и сойду с ума в бездне, где царствует Мрак. И потому черти во мне противятся, скребут изнутри острыми, как лезвие, изогнутыми когтями зависти и эгоизма. Я ведь тоже заслуживаю в жизни чего-нибудь светлого? Каким бы не был ублюдком и сукиным сыном? Я ведь тоже хочу жить. Пускай не как все, но хотя бы чуть-чуть похоже? Самую малость.

Как последний мудака просидел в кресле всю ночь, любуясь игрой Луны с локонами Снежинки, любуясь ее утонченной внешностью. И хотел прикоснуться к ней, но не смел. Потому что не только тело хотел исследовать, но и ее обнаженную душу. Хотел до одури всю ее. Но не мог получить то единственное, что в принципе хотелось.

А едва первые лучи солнца прокрались в спальню, я ушел. На этот раз не ее выгнал, а самого себя. Долго зверем ходил по особняку, пугая слуг, мельтешащих вокруг, пока не приказал накрыть на стол. Хотел позавтракать впервые не в одиночестве.

Но почему же она делает все наоборот? Выводит на поверхность все тщательно скрываемое – злость, ярость, бешенство. Разрывает ту оболочку, называемую “нормой”. Бьет словами больнее, чем это сделал бы нож, и точнее, чем может показать самый продвинутый телескоп.

Псих. Она назвала меня психом. Больным. И мне показалось на миг, что не ее губы это произнесли, а чужие. Однокурсников. И в голове прозвучал их смех – я так сам никогда не смеялся, я так никогда не мог.

– Поцелуй меня, – это вырвалось внезапно. Потому что я впервые испугался, что могу причинить боль кому-то. А я был близок – задела старую рану и давай по ней новую рисовать. Хотелось стереть губами вылетевшие слова.

Ее губы коснулись моих. Я ослеп, оглох, онемел. Я сгорел, исчез, испарился. Меня перестало существовать.

Мне кажется, это был самый приятный момент в моей никчемной жизни.

Однако все знают, что хорошее заканчивается рано. Так и ее губы отстранились после секундного касания. И будто бы отобрали у странника подаренную флягу с водой после первого глотка. А воды вокруг нет – пустыня одна, где вместо волн – дюны, а вместо жизни – мираж. Ясно ведь, как поступит путник: он будет сражаться за то, что сейчас дороже всего на свете. Сражаться за шанс выжить и жить.

Я сделал то же самое – притянул ее ближе, чтобы вдохнуть ее в себя вместе с поцелуем. Уже настоящим, а не невинным тыканьем в губы. Я пил ее, словно тот путник, что годы плутает по бесконечной пустыне. Я пил ее, вгрызаясь в каждый поцелуй, что она сама не хотела отдавать.

– Я не могу-у-у, – всхлипнула Снежинка, едва я поцелуями скользнул ниже. – Прошу тебя, Паша-а-а!

На меня будто вылили ушат с ледяной водой. Сладкий дурман, что разлился по телу, стал отравой – горькой и убивающей.

– Прошу, – тихий шепот, и я очнулся.

Посмотрел на нее, и задохнулся отвращением к себе. Даша – хрупкая и изящная, обнимала себя за тонкие обнаженные плечи, на которых алели цвет моих губ, будто маки распутившиеся. Свитер ее валялся где-то на полу, там, где и ее джинсы, так что сейчас она предстояла передо мной лишь в нижнем белье – в обычном, хлопковом, не в таком, где кружева больше, чем ткани. А в глазах ее застыли пеленой слезы.

Что за нахер? Твою мать!

Она меня и сейчас возбуждала, даже такая. Член просто разрывался от желания оказаться в ней. А то, что внутри, где-то очень внутри меня, выло и требовало... Требовало того, что я не смогу сделать теперь – отпустить ее.

Я никогда не опускался до насилия. А сейчас...

Похоже, теперь отпустить и нет надобности. Я уже на самом дне.

Молча поднял ее одежду. А что мне ей говорить? Просить прощения? Я не умею. Да и еще за какой именно поступок? За то, что украл и не оставил выбора, или за сейчас произошедшее?

– Н-н-не трогай! Не... – она отшатнулась от меня, попятилась назад, едва я попытался надеть на нее свитер.

– Даша, – к отвращению к себе добавилась уже злость к ней. – Или я тебя сам одену, или закончу начатое.

Увидел, как она задрожала, и решил добить:

– Самого главного я так и не увидел.

Заставить себя любить нельзя, а вот бояться запросто. Страх – тоже сильное чувство.

– Ты чудовище!

– Я рад, что ты это поняла, – осклабился я, делая шаг к ней.

Она больше не сопротивлялась, лишь смотрела с ненавистью, а я одевал ее медленно и с большим наслаждением, взглядом исследуя бархатное тело. Будто кукла передо мной, действительно.

– А теперь ты сядешь и поешь, – я поправил ее густую прядь, что паутиной спустилась на тонкое личико, отошел от нее и поднял ее стул.

Снежинка сжимала кулаки и пыталась испепелить меня взглядом. Усмехнулся. Меня даже пуля не убила, а тут... Но тогда я еще не знал, что один ее взгляд может ранить сильнее любого оружия. Не знал и сам себя загонял в пропасть, откуда выхода нет. Однако это понимание придет потом. А пока я буду совершать ошибку за ошибкой.

– Не буду, – упрямо заявила она. – Ты не имеешь право мне указывать.

– Про права я тебе уже рассказывал, малышка. Вспомни мои слова и запомни на всю оставшуюся жизнь, – я сел за стол и сделал глоток черного кофе. – И, Дар-р-рья, лучше ней совай палец в пасть хищника. Закусит конечностью до плеча.

Заметив на ее лице тень брезгливости, добавил:

– Один звонок и... – ее лицо становится фарфоровой маской. – Впрочем, это даже лучше для мальчика. Семья появится.

Даша молча села и пододвинула к себе чашку с чаем.

– Хорошая девочка, – похвалил я и залил горечь, что поселилась во мне, горечью кофе.

– А вот ты плохой мальчик, – огрызнулась она, мучая бедный бекон вилкой.

О, ты не представляешь, насколько я плохой.

– У моей игрушки, оказывается, острый язычок. Однако ты его используешь совсем не по назначению.

Снежинка как-то резко разрезала яичницу, что металл ножа прошелся с визгом по поверхности тарелки, поморщилась от режущего слух звука и сжала в пальцах столовые приборы.

– И что за особое назначение у моего... – она на миг стиснула зубы, будто бы сдерживаясь, – языка? Просвети меня.

– Для меня желание дамы – закон, – с веселой улыбкой сказал я, приводя в уме предположения насчет ее реакции. – Прямое назначение – быть на моем члене.

Дарья, только отправившая в рот кусок ветчины, закашлялась с огромными испуганными глазами смотря на меня.

– Ага, я гадок и омерзителен, – рассмеялся я, не имея сил оторвать от ее ошарашенного личика взгляд.

Она покраснела, сильнее обозначились вены на руках, пальцы которых она сжала до побеления кожи.

Мне нравится играть с ней: дергать за ниточки и смотреть, как она танцует с ненавистью. Любить всегда трудно, ненавидеть проще, для этого не нужны причины.

– Если не хочешь попробовать то, о чем я говорил, ешь, – уже без тени улыбки произнес я.

Даша опустила голову, пряча от меня свою слабость – слезы.

ГЛАВА 9. ДАРЬЯ. ДАЛЬШЕ БУДЕТ ЛЕГЧЕ. ОБЕЩАЮ

Возраст исчисляется душевными шрамами.

(с) Кларисса Пинкола Эстес

Чем измеряется ненависть и боль? Каков их предел? Сколько может вынести обычный человек? До какого предела можно ненавидеть?

Эти вопросы без ответа убивали, как и все то, что творилось в моей жизни. Будто бы так размеренная жизнь оказалась декорациями к одной лишь сцене, а не ко всему представлению. Помощники все убрали и заменили новыми. Сотканными из ярости и желания сломать меня.

– Чаю налить? – совершенно спокойно, будто бы не насиловал меня несколько минут назад и будто бы не говорил мне омерзительных слов, спрашивает он. Он – это псих, мой дьявол и демон.

Все, что происходит не по согласию души, – насилие.

– Не люблю соленый чай, – сказала, а из глаз снова слезы в чашку.

– Соль можно перебить сахаром. Есть еще мед, конфитюр, варенье.

– Но лучше всего просто сполоснуть чашку и вовсе из нее не пить, – и я не о чае вовсе. Я не смирюсь. Не подчинюсь. Я не сдамся. Не скрою эту соль с горечью пополам сахаром.

Стерла слезы с лица и с вызовом подняла на Левича глаза.

– Твое право, – пожал плечами зверь. – Однако твой путь – путь слабаков. Самый легкий.

Я не ответила, просто продолжила есть. Точнее, пытаться в себя что-то засунуть, потому что есть вообще не хотелось. Однако я понимала, что вчера и так пропустила обед и ужин, а на завтрак перекусывала лишь вафлями и литром кофе.

Дальнейшая трапеза прошла в полном молчании. Я глотала слова, которые вслух сказать опасно, вместе с яичницей, а Павел... А черт его знает. Мне даже страшно представить, о чем думал он. Вряд ли о чем-нибудь хорошем – мерзавцы не умеют.

– Одевайся, – коротко бросил псих, едва я закончила завтракать и бездумно ковырялась вилкой по полупустой тарелке.

– Зачем? – я подняла на него глаза. – Меня устраивает моя одежда.

Хозяин особняка тяжело вздохнул воздух, посмотрел на меня так, что захотелось помолиться. Как минимум о том, чтобы боженька простил и помиловал.

– Я должен тебе отчитываться? – отрывисто выплюнул он, поднимаясь и бросая на стол салфетку. – Я приказываю – ты подчиняешься. Будь готова через полчаса.

– Хозяин решил выгулять игрушку? – не скрывая злости и раздражения поинтересовалась.

– Конечно, – мужчина ухмыльнулся. – Ей же надо хвастаться. А теперь время пошло. Иди.

Мне захотелось расцарапать ему холеное лицо. Впитаться в него ногтями и... И еще кричать. Громко, что есть силы. Что я свободная. Что я человек.

Я, вопреки его приказу, продолжала сидеть на стуле и смотрела куда угодно, но не на замершего “хозяина”. А едва краем глаза заметила его приближение, то

очень сожалела. Мне кажется, или я сама себе рою могилу?

- Дай угадаю, - сильные пальцы вновь стиснули подбородок, вынуждая смотреть на него, запрокинув голову. - Я тебе неприятен?

Ненависть через канат нашего взгляда снизу вверх идет. Мечтаю отравить тебя ненавистью к себе.

Шторм его глаз вглядывается в опасный штиль моих.

- Я тебя бесконечно ненавижу, - почти выплюнула.

Он неожиданно улыбнулся. И от этой улыбки страшнее, чем от удара. Чем от любого другого поступка. Но он лишь криво улыбнулся, пока в глазах уже льды.

Вдруг он отпустил мое лицо и взял со стола нож. Я оторопела от еще большего страха. Сейчас он меня убьет и все. Все мои мечты и планы исчезнут, как сны тают по наступлению утра.

Я уже зажмурилась, даже с жизнью попрощалась, с Данькой и... Как Левич сунул в мою ладонь нож - обычный, столовый.

- Держи, - он сам заставил захватить пальцами рукоять. - Докажи, что ненавидишь.

Распахнула глаза, ошарашенно посмотрела на спокойное, как всегда, каменное лицо мужчины, беспомощно вздохнула ставший вязким кислород. Отравленный его дыханием и запахом его парфюма - горной свежести и иллюзии свободы. Даже руку не подняла - я ведь знаю, что не смогу. Я не имею права отнимать жизнь, пускай и у такого ублюдка, как и он. Лишь смотрела в шторм его глазах, словно лань, что застыла, увидев свою погибель.

- Сделай удар, Снежинка. Всего лишь один раз проткни плоть, дальше будет легче. Обещаю.

Я качала головой с солью слез на губах. Нет. Нет. Нет.

– Кстати, – Павел равнодушно посмотрел на затупленный конец ножа, – этим ножом больше всего убивать. Но не слаще ли от этого мечь? – провел пальцем по острию и, склонившись, выдохнул почти в губы: – Жестокая смерть для мерзавца.

И я не успела ничего предпринять, как похититель сжал мое запястье руки с ножом и направил на свою грудь, слегка надавил. Прямо туда, где должно у людей биться сердце. А у зверя... Не знаю, есть ли.

– Я тебе даже помогу, – и улыбка эта – кривая, уродующая лицо, но открывающая душу. Совсем чуть-чуть, но я успеваю скользнуть внутрь своей догадкой. Потому что такими люди не становятся. Такими их делают, как неприятно осознавать, другие люди.

Я все еще молчу, но уже сколько не от страха, а от боязни потерять мысль. Чтобы ее “выносить”, обдумать. Чтобы эту мысль понять.

– Не можешь? Значит, лжешь про ненависть. Того, кого ненавидят, убивают без жалости. Если нет ножа – вгрызаются в горло зубами.

Отпустил мою руку, и нож с гулким звоном упал на паркет.

– Если ты что-то говоришь, то умей это доказывать, – выпрямился и, будто бы ничего не случилось, направился к выходу, бросив напоследок: – Дарья, иди одеваться.

Проследила за тем, как дверь за мужчиной закрылась, и с тихим вздохом поднялась. Страшно, конечно, но... Делать нечего, кроме как плестись только вперед.

Едва я вышла из террасы, увидела ту самую горничную – ей отдали распоряжение меня одеть и причесать. Правда, не учли один совсем малозначительный факт – кукла сама умеет приводить себя в порядок. Заводские настройки у нее, к сожалению.

Сообщила шпильку женщине, так она даже не смутилась – все та же маска на лице и холодный взгляд. Даже нервного смешка не услышала, так что было

ощущение, что я со статуей разговариваю. Плюнула потом в это неблагодарное дело – попытку всех вразумить, и молча пошла за ней – дорогу от спальни до места трапезы я не запоминала. А по пути все пыталась успокоить бешено бьющееся сердце и подрагивающие ладони. Хорошо хоть меня не трясло и не колотило, как в самую первую “радушную” встречу с этим маньяком.

И еще напряженно думала. Правду говорят, что в критических ситуациях у людей лучше работает мозг, потому что, пока горничная мне волосы как-то странно заплетала (возразить я не решилась), у меня появился план. Сначала вся мозаика в голове сложилась – ему нравится, когда его называют по имени и когда с ним... нежны что ли? Как бы странно не звучало, но, когда он набросился на меня, а не на завтрак, мой тон смог его остановить. Я ведь назвала его “Пашей”.

Актриса я или нет? Сыграю ему новую реальность. Обману и уйду. Как некоторые яды, надо начинать давать себя понемногу, а потом удвоить порцию “любви”, и я ему просто стану больше неинтересной. Утешив себя этим, с улыбкой спустилась вниз, одетая уже с иголки. Было новым все: начиная с белья, а заканчивая теплым осенним пальто, которое я сама так и не купила – только начала копить. Рано в этом году холода пришли, я не сумела рассчитать деньги, чтобы хватило на все. Однако меня не радовали внеплановые обновки. Лишь горше на душе стало, пока губы улыбались фальшивой искренней улыбкой.

Сегодня особняк показался мне еще более красивым. Красивым и опасным, как и его хозяин. Однако атмосфера вокруг давила на меня – слишком я не такая. Не из этого, богатого, теста. Я простая, обычная. Я чувствовала себя Золушкой после свадьбы, едва все маски были сброшены.

– Готова? – раздался позади меня мужской голос.

Вздрогнув от неожиданности, повернулась и увидела Левича, который спускался по широкой лестнице, на ходу поправляя запонки. В идеально сидящем на его фигуре костюме чернильно-черного цвета и в кипенно-белой сорочке без единой складки. И даже туфли его блестели в свете ламп от чистоты. Понимаю, деловой стиль, но чуть ли не ляпнула, не на мои ли похорон идем. Но сдержалась: вдруг идею подам?

– Готова, – улыбнулась, а он замер на предпоследней ступеньке, тяжело вдохнув воздух.

ГЛАВА 10. ПАВЕЛ. Я ЕГО В СЕБЕ УБИЛ

Смерть стоит того, чтобы жить,

А любовь стоит того, чтобы ждать.

(с) Виктор Цой

Наверное, у каждого в классе был невзрачный и тихий ребенок в старой одежде, которая словно бы срослась с ним – отчего тогда он носит эти тряпки уже несколько... лет? Худой, измученный, который и нескольких слов связать не может. Точно даун. Только он один не ходит на каждой перемене в буфет, не хвастается новой игрушкой, принесенной с собой в школу в рюкзаке. Точно есть, я знаю. Иногда даже несколько таких, как говорят, странных. И на таких можно выместить злость, не брать в игры и сделать изгоем. Зачем? Он заслуживает.

И только потом, уже в средней школе, все понимают, что он не странный, а просто бедный. Нет, не бедный даже, а нищий. Не бомж, но что-то между этим. И тогда шпильки в его сторону становятся сильнее, озлобленнее, болезненнее. И физически, и морально. И если физическая боль отступит, рана излечится, а след сотрется с кожи, то с души ничего не соскрести. Никак не зашить, не замазать мазью и не подуть ласково на поврежденный участок.

Ничего не уйдет и не излечится. Обиды буду сначала кровоточить, а после гнить.

Знал я такого мальчика. Знал, потому что я его в себе убил. Задушил воспоминания всем тем, чего у меня никогда не было. А сейчас есть абсолютно все, только ни одно богатство мира меня не влечет. Не нужно. Даже все то, что у

меня есть, готов отдать. За нее. Чтобы она снова улыбнулась мне.

Я как увидел, что губы ее растянулись не в усмешке и не в ухмылке, так сразу же застыл. Ни разу ведь не улыбалась. И в принципе мне не улыбались. Моя участь – страх и желание угодить.

– Хорошо, – хрипло вышло. – Идем к машине.

Покачал головой, прогоняя пелену наваждения, преодолел оставшиеся ступеньки и пошел к входным дверям, жестом показывая, чтобы Снежинка следовала за мной. Там уже ожидал Гена – мой водитель. Стараясь не смотреть на Дашу, открыл ей дверцу и, впустив ее в салон, сел с другой стороны. Так как с Геней мы уже ранее обсудили маршрут, никаких распоряжений давать было не надо: мы сразу же тронулись.

Дарья сразу же уставилась в окно, пристально разглядывая макушки деревьев, что забором обвили дорогу с двух сторон.

– Не сбежать, – усмехнулся я, разглядывая ее идеальный в моих глазах профиль. И пухлые губы, вкус которых я уже познал. Малина. Спелая и сочная малина. Прикуси – и брызнут соком страсти. Поцелуй – и станешь зависимым.

После моих слов она сразу же повернулась, посмотрела мне в глаза так, что наши взгляды скрестились. Внезапно вновь улыбнулась и опустила глаза, будто сдавшись, потом тихо сообщила:

– Красивые виды.

Только вот не она признала проигрыш и не она проиграла. Нет, это я проиграл, едва игра началась. Молниеносно. За один взгляд.

– А куда мы едем? – спрашивает Снежинка, ерзая на сиденье и устраиваясь поудобнее. Но такое чувство, что по моим оголенным нервам идет вприпрыжку. И ощущение такое, что реальность вывернули наизнанку, так что теперь Земля не сфера, а пластинка, которая держится на трех слонах в океане звезд. Почему?

– Ты что, пила? – зло спрашиваю ее, нависнув над ней, чтобы почувствовать дыхание. Я заметил ее странное поведение. Однако нет, тяжелое дыхание Снежинки пахнет ею самой, но никак не горькими напитками. И я облегченно выдыхаю, нечаянно смешивая наши вырвавшиеся наружу дыхания. И время останавливается. Будто патока застывает, едва сладость в холодильник помещают.

– Мог бы сначала дождаться ответа, а не сразу влезать в личное пространство, – ворчит она, легко отталкивая меня. Я откинулся на спинку сиденья и сказал:

– Детка, твоего личного пространство теперь не существует. Есть только мое, – язвлю, а сам безумно рад. Ненавижу пьянь. И, если бы она была выпившей, то посадил бы сразу в лесу, даже не задумываясь. Остался бы без солнца вновь в своей бездне, полной демонов и чертей, но только не с разбега в сети ада.

– Не порть мне настроение, Паша, – помахала она рукой, отворачиваясь к окну.

Твою мать! Внутренности одними словами вытаскивает наружу, топчет мне нервы, целует, чтобы вновь нанести увечья эмоциями.

В далекие времена опиум использовали как обезболивающее, даже зная его разрушительные свойства. И вот Даша мой опиум. Я отравляю себя ею, чтобы жить в полную силу, не ощущая тяжести прошлого. И плевать, что умираю от нее.

Так, наверное, думают наркоманы, ныряя в омут с головой.

Оставшийся путь до студии Малеева мы проделали в тишине, что навечно приклеилась ко мне. Сколько себя помню, она была со мной. Моей госпожой и моей пленительницей – я не мог выбраться из ее холодных тонких пальцев с нанизанными на них перстнями: одиночеством, бешенством, яростью, болью... А теперь и страстью. Для них не нужны звуки, чтобы проснуться. Эти чувства тоже в плену у тишины и подчиняются только ей.

Дарья все время смотрела в окно, словно пытаюсь выглянуть у мира свободу. А я не хотел ее делить даже с этим суррогатом грез. Смотрел на нее и впитывал образ невинный до скрежета зубов, смотрел не имея возможности дотронуться, прижать так, чтоб ребра захрустели и чтоб кожа к коже. Не мог, мать его,

потому что как в глаза посмотрит – так потом презрение к себе. Гадливость на собственную ущербность, что... Что даже ее принуждаю, как принуждаю судьбу мне жизнь менять.

– “МалеевСтуди”, – потрясенно прошептала девочка, подаваясь еще ближе к окну машины, чтобы полностью разглядеть многоэтажное здание из стекла и бетона. Потом резко повернулась ко мне, а в глазах ее восхищение такое, трепет, который даже при виде меня не угас, теплился огоньком путеводным дальше. – Господи... Черт!

И шепчет, словно действительно не верит, что здесь оказалась. И эмоции эти я выгрызаю с особым удовольствием – она ведь счастлива только от этого. От того, что оказалась настолько близко к этому месту.

А едва нам ворота открыли, и Гена уже рулил по территории киностудии, Даша вообще начала щипать себя за запястье.

Этот наивный жест отчего-то во мне вызвал улыбку. Которую она стерла своим глазищами, в которых вновь был страх. Она дарила счастье и по мановению руки забирала его с тройными процентами. За неимением души вместе с костями мне плоть рвала, чтобы себе забрать в оплату. Перед ней я снова нищий. Нечем больше платить, кроме как собой. И ее в ответ начал задевать, рисовать на ней шрамами от слов. Злость однозначно лучше.

– Веди себя приличнее. Кукла должна подчеркивать статус хозяина, а не позорить его.

ГЛАВА 11. ДАРЬЯ. МЕЧТА В КРЕДИТ

Все мы играем те роли, которые обязаны играть, чтобы выжить.

(с) Орсон Скотт Кард

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/roys_eva/cena-moih-grez

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)